

Александра Урнатенко

Причастие

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Игнатенко

Причастие

«Автор»

2026

Игнатенко А. О.

Причастие / А. О. Игнатенко — «Автор», 2026

В этой книге не будет счастливого конца. Вообще. Даже надежды не будет. Вы откроете её - и станете Богом. Я даю вам этот титул. Вы будете наблюдать. Смотреть, как человек тонет в собственном стыде, как задыхается в запахе лекарств и ладана, как перебирает грехи матери и свои. Вы будете видеть каждую трещину. Каждую гнилую клетку. И вы ничего не сможете сделать. Ни помочь. Ни вмешаться. Ни отвернуться. Только смотреть. Это тот случай, когда хочется крикнуть в страницы или закрыть книгу навсегда. Каждая страница будет затягивать вас в тоску всё глубже как иглу под ноготь, как молитву, которую никто не услышал. Если вы готовы занять эту должность - добро пожаловать. Если нет - закройте книгу. Бог из вас всё равно не вышел бы. Вам не понравится главный герой. Он не будет суперсильным. Не будет умным. И никого не спасёт. Вы возненавидите его за схожесть с вами. Но проигнорируете это. Вы ведь будете Богом-наблюдателем который только ждёт.

© Игнатенко А. О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Записка, написанная рукой , которая скоро перестанет дрожать	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александра Игнатенко

Причастие

Глава 1

Записка, написанная рукой , которая скоро перестанет дрожать

**«Я есть Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов пред
лицом Моим.»**

Первая из десяти заповедей

Запах лекарств уже не отстирывается. Он вьелся в шерсть пледа на коленях, в пожелтевшие страницы, в стены комнаты, которую ты старательно превращала в уют. Паллиатив, морфий – сладковато-горький букет тлена, присыпанный хвоей аромасвечи. Ты думаешь, я не чувствую? Чувствую. Как чувствую твоё дыхание за дверью, когда ты прислушиваешься, жива ли ещё твоя обуза. Слышу скрип половицы под босой ногой. Слышу вздох – не облегчения. Привычного, закаменевшего разочарования. Это не дневник и не письмо. Это квитанция. Расписка в собственной никчёмности, написанная рукой, которая ещё помнит, как держала твою, но скоро разучится держать что бы то ни было. Мне жаль, Изабель. Жаль, что не смог довести начатое до конца. Ты всегда мечтала о ком-то не в моём стиле: чьи плечи не гнутся под невидимым грузом, чья улыбка не похожа на попытку извиниться за само существование. О том, кто входит в комнату, а не проскальзывает в неё, стараюсь не потревожить воздух.

Изабелла Фикер. Раньше – Изабелла Гейл. Лебедь. Грациозная, холодная, с гордой посадкой головы. Идеальная дочь своих идеальных родителей. Идеальная ткачиха своего идеального мирка – из ниток светских приличий, материального благополучия и безупречного вкуса. Твой мир был похож на витрину дорогого бутика: всё расставлено, подсвечено тёплым светом, защищено от пыли и хаоса толстым чистым стеклом. Я в эту витрину никогда не вписывался. Я был тем пыльным экспонатом из комиссионки через дорогу, на который падает случайный взгляд, и ты морщишься: «Боже, кто это мог купить?» Но однажды – о, каприз судьбы, насмешка, счастливый билет в лотерею, где разыгрывалось проклятие – мне посчастливилось оказаться в том месте и в то время.

Конец декабря. Воздух плотный, колкий, им больно дышать. Снег хлипкий, липнет к подошвам, отяжеляет каждый шаг. Я шёл без цели – просто чтобы куда-то идти. Проводить зарплату. Бухгалтерская скудость уже разложена по конвертам: коммуналка, кредит за мамин телевизор, дешёвое вино. Остатки – на подарок. Я купил дубовый раздвижной стол. Тяжёлый. «Чтобы было где семье собираться», – сказал продавец. Представил, как мать потрогает лак, сделает своё «хм» – неодобрительное и сдержанное одновременно – и скажет: «Спасибо, сынок. Не нужно было». «Сынок». Слово прорезало слух ледяной оскоминой. Я был «сынком» только в те редкие моменты, когда мой простецкий, затёртый до дыр образ обывателя вызывал у неё слабую, блёклую тень удовлетворения. Не гордости. Никогда. Удовлетворения, что я наконец не высываюсь.

Ателье «Лебедь и Верба» выглядело снаружи уныло. Вывеска облупилась, окно запотело. Оно скорее отталкивало, чем манило. Но за дверью был другой мир. Звонок колокольчика –

тонкий, чистый, неожиданный. И сразу волна тепла, пахнущего шерстью, шёлком, паром от утюга и печеньем. Ванильным. И звук твоего смеха. Ты стояла, прислонившись к прилавку. Твоя подруга Шэннон – рыжая, веснушчатая, с голосом табачной хрипотцы – что-то живо рассказывала. Ты закинула голову назад, и твой смех – не девичий, а низкий, бархатный, с хрипотцой – заполнил всё пространство.

Я застыл на пороге, весь в мокром снегу, с лицом, застывшим в маску вежливой неловкости. Но внутри что-то дрогнуло. Тепло не от калорифера – из самого центра груди, растеклось по жилам. Здесь, в тесной, заставленной манекенами клетушке, было домашне. Расслабленно. Живо. Не так, как в стерильной, вычищенной до скрипа маминной квартире, где каждый предмет знал своё место и боялся его покинуть. Твои глаза – серые, как дымка над рекой в ноябре – скользнули по мне. Быстро, оценивающе. Не пренебрежительно – с интересом. Как на незнакомую породу собаки. – Могу я вам помочь? – голос был таким же, как смех: низким, уверенным, без дежурной слащавости. Я пробормотал что-то про «посмотреть пальто», чувствуя себя идиотом. Моей зарплаты не хватило бы даже на подкладку от тех шуб, что висели на вешалке. Но ты не стала выпроваживать. Кивнула, позволила бродить меж стеллажей, пока сама возвращалась к Шэннон. Вы снова зашептались, и твой смех теперь был приглушённым, но от этого не менее живым.

Прошли годы. Ты влюбилась. Сначала, думаю, в образ. В романтический ореол неудачника-поэта, который носит потрёпанные томики в кармане и смотрит на мир грустными глазами. Экзотично. Как завести дома ежа: колючего, несуразного, но вызывающего умиление своей беспомощностью. Но образ рано или поздно трескается, и из-под него проглядывает суть. А моя так и не вписалась в твою картину мира. Никогда.

Помню первую встречу с твоими родителями. Твой отец, Роберт Гейл, пожал мне руку так, будто проверял, нет ли у меня скрытого перелома. Его ладонь была шершавой, мозолистой, настоящей. Моя же влажной и мягкой. За столом, под идеально прожаренной говядиной и идеально поданным бордо, висела тишина, натянутая как струна. Твоя мать, Маргарет, улыбалась так, будто губы ей свело судорогой. А Роберт смотрел на меня, как на бракованную деталь в своём отлаженном механизме. Я слышал его немой монолог, который он выдал тебе позже: «Ну что ты в нём нашла, Изабель? Мужика не вышло. Мямля. Глаза как у затравленного зайца. На что он тебя прокормит? Стишки писать?»

Я благодарен тебе, Изабель. Безмерно. Ты была со мной так долго. Подарила нам Роудс. Наше солнце, нашу девочку с моими печальными глазами и твоим решительным подбородком. Но эта «долгота» – иногда мне кажется, она была вынужденной мерой. Цепочкой привычки, общественного договора, а потом – присутствия Роудс. Я чувствовал себя бродячим псом, которого подобрали из жалости. С хромой лапой, печальным взглядом и неумением просить, но уже не способным уйти.

Я надеюсь – нет, я знаю. Наш сосед Майкл. Тот, что рубит дрова рубашкой нараспашку даже в тридцатиградусный мороз, чей смех гремит на всю округу, а руки знают, как починить всё – от крана до жизни. Он поможет тебе. Он уже помогал, пока я сидел тут, сжираемый изнутри. Я видел, как ты смотришь на него, когда он приносил дрова. Не так, как на меня. Без усталой, матовой пелены терпения. В твоих глазах вспыхивало то самое живое любопытство из ателье. Только теперь окрашенное чем-то острым, настоящим. Я заметил это ещё до того, как Роудс уехала в колледж. А после ты как будто и не хотела стараться. Зачем? Занавес уже падал. Спектакль подходил к концу.

Их было много, Изабель. Ох, как много.

Не думай, что я не знал.

Я не слепой.

Просто тихий.

Был тот певец, гастролёр, приехавший в наше захолустье на раз-два. С ним ты пропала на весь вечер после концерта. Вернулась на рассвете, пахнувшая чужим табаком и дешёвым бурбоном. Помада смазана. В гримёрке, да? Я представил: тесное помещение, пахнущее потом и гримом, зеркала в лампочках. Его наглые, умелые руки. Твою спину, прижатую к двери. Мне стало физически плохо. Но я промолчал. Просто налил тебе чаю: «Простудишься, на улице холодно». Был автомеханик Джон из гаража на выезде из города. Мускулистый, в промасленной робе, с татуировками на сгибах пальцев. Он «чинил» твою машину. Часто. Слишком часто. А потом и мою. Надеюсь, он хорошенько проверил новые ремни, которые я поставил за месяц до этого.

Я не сказал. Не смог. Или просто сдался, как всегда. Я не мог просить о большем. Ты и так дала мне слишком много: статус, дом, видимость семьи. Ты позволила себе носить мою фамилию, как почётный шрам. Просить о верности? О любви? Неприлично. Нагло. Как если бы тот бродячий пёс начал требовать стейк вместо объедков.

Я всегда был человеком слабым. Хлюпким. Существом из мокрой глины, а не из кремня. Но если создал меня Бог – значит, я должен был для чего-то создаться? Или душа, пишущая эти каракули, в тот решающий миг перед рождением выбрала не тот чертёж? Тело хлюпика, психику нюни, судьбу статиста? Не знаю. Но я рад. Рад, что мои жалкие, симулированные попытки влиться в сущность обывателя, стать «нормальным мужиком», скоро останутся позади. Вместе с болью, стыдом, вечным холодом в желудке.

Знаешь, о чём я думаю, когда боль отступает, и я остаюсь наедине с гулом в ушах?

О Боге.

Для меня Он никогда не был бородатым стариком на облаке. И не светом, любовью, всепрощением. Нет. Он был наблюдателем. Бесформенным, тягучим. Чем-то вроде пара над чашкой чая в холодный день. Или росы на паутине. Или тумана в низине перед рассветом. Что-то обыденное, к чему все привыкли. Кто-то крестится, кто-то ругается, кто-то просто отмечает присутствие фразой «ну, слава Богу». Но никто не задаётся вопросом. Принимают как погоду. А мне раньше виделось иначе. Я видел Его жестоким отцом вселенной. Тем, кто завёл огромную сложную машину, запер в ней нас, уродливых, кривых, несовершенных детей, и ушёл. Бросил на съедение волкам. Проверял: пройдут ли самые живучие, самые хитрые, самые беспринципные этот жестокий отбор? Выживает сильнейший. Остальные – мусор, брак, топливо для машины. Но тогда, если это так, почему я здесь? Почему я, Лев Фикер – хлюпик, мямля, профессиональный неудачник – прошёл? Я не сильный. Не хитрый. Я никогда не думал, что чего-то стою. Моя жизнь была вязкой, как патока, бесполезной, как сломанный карандаш, и ломкой, как первый осенний ледок. И при этом я обзавёлся тобой. Изабеллой Фикер. И Роудс. Вы – моя необъяснимая победа в лотерее, в которую я даже не покупал билет. Вы носите мою фамилию - Фикер.

ФИ-КЕР.

Я ненавидел её в детстве. В глухой, богом забытой деревеньке при монастыре, где мать пыталась начать всё сначала, был один парень. Байти. Шепелявый, с щелью меж зубов, вечно с соплями до подбородка, но с амбициями Наполеона и шайкой таких же озлобленных полуросликов. Он ухватился за мою фамилию, как собака за кость. – Фикееер! – растягивал он, и прихвостни подхватывали. – Фикер! Знаете, что это по-немецки, да? Блядь! Мудак! Они сами не знали, что значит это слово, подхваченное от вернувшегося из города старшего брата. Но звучало оно грязно, похабно, идеально для травли. А потом, когда я, красный от стыда и бессильных слёз, бежал к матери, прятался в складках её чёрной, пахнувшей ладаном и тоской юбки, придумали второе. «Вымесок! Он вымесок! Сучий вымесок! Мамкин подол лижет!»

Я понимал, в семь то лет уже понимал, что нужно развернуться, въехать этому Байти по его сопливой морде. Но ноги не шли. В горле ком. Я лишь краснел, глотал слёзы, метался, как загнанный зверёк. Так и прозвали – Вымесок. Из «Фикера» в «подонка», из «подонка» – в

«вымеска». Впрочем, это сейчас неважно. Всё это – пыль. Прах. Смешные жалкие страдания букашки, которую давно раздавили.

Я пишу это как акт искупления. Как последнюю волю и мольбу о прощении. Не твоём, Изабель. Ты простила мне всё давно – точнее, перестала ждать чего-либо, а значит, и прощать стало нечего. Я прошу прощения у всего. У жизни, которую не сумел прожить правильно. У воздуха, который вдыхал зря. У Бога-наблюдателя, если Он всё-таки есть. Ждать окончательного разложения Нет. Я не могу. Знать, что ты, Роудс, мать – если она ещё приедет «исполнить долг» – увидите меня в самом жалком состоянии: обездвиженного, недержащего, с пустым мокрым взглядом. Это заставляет меня испытывать бесконечный, всепоглощающий стыд. И страх. Не смерти. А именно этого – быть объектом жалости, грузом, позором. Уж лучше пока я в сознании. Пока рука, хоть и дрожит, но слушается. Пока в жилах не только морфий, но и остатки того, что когда-то было волей. Я самовольно закончу эту пытку. Поставлю точку в предложении, с самого начала написанном с ошибками. Ведь если есть Создатель где-то в небе Может быть, хоть за этот – впервые в жизни – по-настоящему смелый шаг, Он смилостивится. Заберёт меня. Не в рай – я не претендую. А просто заберёт. Перестанет наблюдать.

На столике у кровати, рядом с пузырьками, стоит стопка. Хороший, пятнадцатилетний виски, который ты купила мне на прошлый день рождения. «Чтобы согрелся», – сказала ты тогда, и в твоих глазах промелькнуло что-то похожее на нежность. Или на сожаление. Я налью полный стакан. Выпью его медленно, смакуя каждый глоток, вкус дыма, дуба и далёкого солнца. А потом приму всё, что накопил за месяцы. Не из жалости к себе. Из последней, жалкой попытки сохранить хоть тень достоинства.

Прощай, Изабель. Будь счастлива. С Майклом. С кем угодно. Просто будь счастлива. И скажи Роудс Скажи ей, что отец любил её. Больше жизни. Просто любил так, как умел – тихо, безнадежно и очень, очень стыдливо.

«Когда я, удрученный болезнью, восчувствую приближение кончины земного бытия моего: Господи, помилуй меня.»

«Когда душа моя, пораженная воспоминаниями моих преступлений и страхом суда Твоего, изнеможет в борьбе с врагами моего спасения: Господи, помилуй меня.»

«Когда тело, оставленное душою, делается добычей червей и тления и весь состав мой превратится в горсть праха: Господи, помилуй меня.»

Парфений Киевский

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.